

**ИДЕЯ ИСТОРИЧЕСКОГО САМООТРИЦАНИЯ
В РОМАНЕ ЮРИЯ ТРИФОНОВА «НЕТЕРПЕНИЕ»
(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

Н. М. Щедрина

Москва, Россия, schedrina@gmail.com

Статья посвящена 100-летию со дня рождения Юрия Трифонова. Рассматривается осмысление писателем философии истории в романе «Нетерпение» с точки зрения исторического самоотрицания через обмен «идеи народной революции на идею террора». Идея определила склад повествования и духовное содержание изображаемых личностей. Забвение человеческого дела и поступка Трифонов связал с нравственным выбором народовольца Желябова и его соратников. Самые многомерные мотивы романа — нечаевщина и бесовщина, а также мотивы нетерпения, предательства и возмездия. Используется прием двойничества.

Ключевые слова: Юрий Трифонов; «Нетерпение»; народовольцы; голоса Истории; нечаевщина; бесовщина.

**THE IDEA OF HISTORICAL SELF-DENIAL
IN YURI TRIFONOV'S NOVEL "THE IMPATIENCE"
(ON THE 100TH ANNIVERSARY OF THE AUTHOR'S BIRTH)**

N. M. Schedrina

Moscow, Russia, schedrina@gmail.com

The article is dedicated to the 100th anniversary of Yuri Trifonov's birth. The author's understanding of the philosophy of history in the novel "The Impatience" is considered from the point of view of historical self-denial through the exchange of "the idea of a people's revolution for the idea of terror." The idea determined the narrative structure and the spiritual content of the personalities depicted. Trifonov associated the oblivion of human deeds and actions with the moral choice of the Narodnaya Volya member Zhelyabov and his comrades. The most multidimensional motives of the novel are Nechaevshchina and devilry, as well as motives of impatience, betrayal and retribution. The technique of duplicity is used.

Keywords: Yuri Trifonov; "The Impatience"; Narodnaya Volya; Voices of History; Nechaevshchina; Demonism.

В творческой судьбе Юрия Трифонова роман Нетерпение (1973) сыграл большую роль. Именно эта книга принесла писателю подлинную

международную известность. Г. Белль предложил выдвинуть автора на Нобелевскую премию.

Роман быстро приобрел популярность, его читали в Италии, Франции, странах Скандинавии, в Японии, США. Доля успеха произведения Ю. Трифонова связана с ролью в современном мире различных форм терроризма.

Успех «Нетерпения» еще и в том, что до 1960-х годов, то есть до «оттепели», тема народовольческого движения была предана забвению, в 1960-е — 1970-е годы наблюдался буквальный взрыв интереса к ней. В литературе нарушил молчание Юрий Давыдов — автор многочисленных произведений о народовольчестве, которого Трифонов назвал выдающимся автором исторического жанра [4, с. 184]. Рядом с книгами Ю. Давыдова заняло свое место и «Нетерпение».

Обращение к истории народовольческого движения в разгар работы над современной темой для Трифонова не случайно. Художник продолжал исследование сокровенных для него общественно важных тем, которые волновали прежде и которые притягивали в дальнейшем. Быть может, главнейшая из них: цель революции и цена человеческой жизни; можно ли считать террор принципом революционной борьбы, был ли он исторически обусловлен веянием времени?

Сам писатель считал «Нетерпение» важной и даже во многом этапной книгой [5, с. 170]. Теперь ясны мотивы ее создания, появилась возможность поставить роман в ряд с другими произведениями, опубликованными позже, выстроить личную линию автора, через всю жизнь которого прошла боль потери близких ему людей в годы репрессий и невозможность открытой оценки этой трагедии. Основная цель писателя — осознать ее внутреннюю связь с двойственной природой терроризма: бесовским характером и возвышенными целями.

Ю. Трифонова взбудоражила и потрясла малочисленность основного ядра организации «Народная воля»: всего около пятисот человек, группа революционной молодежи, одним ударом хотела преобразить стоячее болото России в общество народоправства. Политическое убийство, как полагали народовольцы, есть осуществление, революции в настоящем. Дело состояло в силе нравственного вызова, брошенного горсткой людей всем вековым установкам и понятиям. Эта мысль ведущая во всех повестях Ю. Трифонова, которые появились в начале 1970-х годов и над которыми он продолжал работать. Поэтому суждение о «Нетерпении» как наименее трифоновской вещи из всех его работ 1970-х годов [1, с. 86] не может быть принято.

Другое дело, что интерес к ведущим силам истории и способам воздействия на нее определил иной склад повествования и иную духовную мысль ряда изображаемых в «Нетерпении» личностей.

Основной сюжетный стержень книги — жизнеописание главного героя Андрея Желябова. Двигателем является конфликт между «Народной волей» и самодержавной Россией. Но Трифонов стремится не столько раскрыть историческую роль народовольческого движения, сколько сконцентрировать внимание на политическом нетерпении. Главная идея романа вынесена в его название. Она ведущая и организующая концепцию произведения. Писатель развенчивает мысль об уроках революционного романтизма, о разрушительной силе даже самых благородных утопий, когда они оказываются практическим руководством в общественном переустройстве.

Состояние нетерпения аккумулирует все повествование и становится лейтмотивом романа. Словом «нетерпение» книга открывается, оно звучит в нем как рефрен. Его смысловое наполнение меняется постоянно. Сначала оно возникает как бы невзначай и связано с главным героем Андреем Желябовым. В юности ему случилось учить грамоте каких-то девочек, была нужда в деньгах. Дело у него не клеилось, не хватало терпения [3, т. III, с. 10]. Педагог из него не получился. Не клеилось у него и с учебой: из университета его исключили за крикливую демонстрацию на какого-то дурака-профессора, наоравшего на студента, который спал на лекции [3, т. III, с. 10]. Не вышла у него и семейная жизнь: «терпенья у него никогда не хватало, и он, разозлившись, ушел из дому» [3, т. III, с. 10]. Писатель связал жизнь народовольца Желябова с нравственным выбором, выбором между личным чувством и высоким гражданским долгом.

В революции он вечно спешил, торопился: нетерпение не покидало его. Оно стало особенностью его натуры. Желябов хотел переменить судьбу страны одним ударом, сразу, но история тащилась: терпеть было невозможно, нетерпение становилось для него главным. Он находит свой путь и свое место в борьбе, склоняется к террору, который представляется не только средством более надежным, результативным, но и честным, открытым, а значит и нравственным. «Человек начал с того, что хотел учиться у народа, а пришел к тому, чтобы учить историю» [3, т. III, с. 83], — замечает Трифонов. И из завязанного народника, провинциального бунтаря вырастает в атамана, вождя террора.

Лейтмотивом нетерпения в романе выражается также порыв, энергия, бескомпромиссность героя, его стремление любой ценой, вплоть до собственной жизни, изменить положение народа. Но очень скоро становится понятным недостаточность аналитичности Желябова в восприятии жизни, стремление скорей, во чтобы-то ни стало утвердить в ней свои представления.

В такой многогранности мотива нетерпения — одна из сильных сторон дарования Трифонова.

К дальнейшему развитию мотива нетерпения Трифонова подтолкнули «Бесы» Ф. Достоевского. Об этом он пишет в статье «Нечаев, Верхненский и другие...» (1980). Позицию писателя, высказанную в ней, необходимо рассматривать как дополнение и продолжение мыслей автора в романе. Трифонов размышляет о загадке Достоевского: почему спустя сто лет после смерти он один из самых живых, сильно действующих, необходимых человечеству?» [3, т. IV, с. 557]. И делает вывод, что писатель XIX века заставляет нас заглянуть внутрь себя, выступив отгадчиком будущего. Трифонов именуется это психологическими пейзажами души [3, т. IV, с. 557]. Провидчество «Бесов» в изображении нечаевщины, которая приводила мир в содрогание тогда и в последующие периоды, потому что в каждом поколении, времени обнаруживались свои нечаевы.

Суть трифоновского сближения Желябова с Нечаевым в романе в том, что для достижения высокой цели главный герой может приневолить своих соратников к чему угодно. При этом ему не приходит в голову, верно ли он сам понимает эту цель, потому что ему нужны не оппоненты, а исполнители. Хотя вначале Желябов отмежевывается от Нечаева, он для него «вчерашний день». Но впоследствии осознает, что нечаевщина — реальный призрак, вставший на народовольческом пути. Имя Нечаева, образ Нечаева, идея Нечаева едва ли не преследуют главного героя «Нетерпения»: «Все мы в какой-то мере от плоти Сергея Геннадьевича... И потому не надо уж так трястись и скрипеть зубами при слове „начевщина“» [3, т. III, с. 79], — говорит Желябов.

Нечаев постепенно становится его жутковатым двойником, но не на всем протяжении книги, а в один из периодов жизни. Его образ воспринимается как некое дополнение и одновременно поправка к фигуре главного героя. В сознании Желябов начинает поднимать Нечаева до себя, до своего уровня, и даже решает выволить его из тюрьмы, но постепенно приходит осознание: «мечтаем о мирном процветании, а вынуждены убивать, стремимся к земскому собору, чтобы убеждать словами, а сами готовим снаряды, чтобы убеждать динамитом» [3, т. III, с. 351].

Желябов в мыслях стремится как бы избавиться от двойника, восстановить цельность своего я. Но в итоге — пошел к Нечаеву, признав его соратником. Двойничество позволяет Трифонову решить проблему трагической неразрешимости противоречия: «стремясь к благу, приходится пользоваться дурными средствами, стремясь к справедливости, попирая ее, ибо цель и в самом деле оправдывает средства» [3, т. III, с. 130]. Самые многомерные мотивы романа, по словам Трифонова, «бесовщина» и «нечаевщина».

Идея исторического самоотрицания в романе подкреплена мыслью о глубинной природе нечаевщины и народников 1870-х годов. Сохранился

«Катехизис» Нечаева, приобщенный к делу нечаевцев. Из него становится ясно, что цели переустройства общества их программа не содержала, зато существовал неизменный план общего разрушения.

Народники начала 1870-х годов имели программу, но отторгали от себя христианские понятия доброты, товарищества, страдания ради ближних. И хотя члены «Народной» воли проклинали Нечаева за антиответственность, к концу своей деятельности во многом по логике движения приблизились к Нечаеву.

Двойником Желябова выступает и Александр Михайлов. По мнению друга Ю. Трифонова Ю. М. Оклянского [2, с. 186], в нем угадывались черты отца писателя: «Этот парень, хотя и моложе несколько, года на четыре, всем своим обликом, крепостью тела, мыслями, разговором — да всем, всем, глубинным настроением души — смог бы быть андреевым *alleg ego*» [3, т. III, с. 124]. Вечный организатор, Дворник, который делал все, чтобы превратить кружок в партию: «Практичность Михайлова была поразительной, ежеминутной» [3, т. III, с. 125], — пишет Трифонов. Как двойник-практик он наделен громадной деловой силой, но образ его утрачивает самостоятельное значение, как только автор завершает свое повествование о нем. Из-за неосторожности попал в руки полиции, хотя учил конспирации других. Роднит Михайлова и Желябова и то индивидуальное, что делает их неповторимыми личностями.

Трифонов вскрывает социально-психологическую природу нетерпения Желябова и его сподвижников, сопоставляет характеры своих героев, ищет то общее, что их сближает, что заставляет заниматься подталкиванием революции, которое тоже связано с лейтмотивом нетерпения.

Писатель в романе раскрывает философию истории через обмен идеи народной революции на идею террора, осмысливает ее внутреннюю связь с двойственной природой терроризма.

Терроризм представляет собой сложный комплекс ненависти, отчаяния, надежды и страха. В художественной концепции романа «Нетерпение» подчеркнуто: террор — молох. Отсюда фаталистические слова Желябова, произносимые незадолго до ареста и почти полностью повторенные Перовской в день 1 марта: «Ничто нас не остановит. Даже если бы мы сами пытались себя остановить» [3, т. III, с. 352]. Террористы не просто разрушители, замечает автор, а люди твердых идеалов, хорошо знающие, чего хотят. На всем протяжении книги Трифонов стремится показать, что большинство народовольцев — самоотверженные рыцари революционного подвига, люди безукоризненных личных достоинств, самых возвышенных народолюбивых идеалов и гражданских устремлений. Большинство из них не были готовы и не были способны переступить собственные понятия во имя реальности жизни. В этом и состояла их историческая драма и личная трагедия.

Активно пользуясь композиционными возможностями, Ю. Трифонов рисует рядом с А. Желябовым различные типы революционеров-единомышленников: Софья Перовская, Николай Клеточников, Николай Кибальчич, Степан Ширяев, Андрей Пресняков и другие.

Писатель ориентировался в первую очередь на изображение самосознания героев, особенно тех его представителей, которые служат самодержавию. Он исследует их подлость и провокаторство с психологической точки зрения.

Пристального внимания автора заслуживают характеры Клеточникова, Гольденберга и Окладского. По началу кажется, что Клеточников и Гольденберг противопоставлены в романе, что позволило критике [1, с. 28] сравнить тихий героизм Клеточникова и ложный героизм Гольденберга. Однако между ними больше общего, чем различного [2, с. 208]. И сближает их личное самоутверждение, которое становится выше идеалов и целей борьбы. Ощущение собственной значимости, желание заявить о себе миру движет этими персонажами. Трифонов проводит философскую идею, звучащую и в других его произведениях: настоящая жизнь имеет свойство превращаться в театр [2, с. 209].

В образ Гришки Гольденберга Ю. Трифонов вложил мысль о том, к чему приводит подталкивание истории и неустойчивость нравственного мира героя. Человек отчаянной отваги и революционной искренности, легендарный террорист, казнивший палача харьковских студентов Кропоткина, Гришка почти по-детски наивно одержим иллюзиями о всемогущей героической личности. Он живет как на театральной сцене. Историю его падения излагает роман в романе. Начало в малом — во всегдашней склонности Гольденберга к трезвону и хвастовству, в ненасытной потребности мелкого фанфаронства. Сначала он выбалтывает о себе все провокатору, надсаженному в камеру, а когда рядом с ним появляется полицейский иезуит Добржинский, сразу подметивший в нем болезненное самолюбование, которое виртуозно можно использовать против народовольцев, то в пору массовых провалов партии ему удается внушить Гольденбергу мысль о понимании трезвых людей России наверху и внизу и необходимости выбить револьверы из рук фанатиков и вырвать веревки из рук правительственных палачей. И Гришка, от которого невозможно было ничего выведать изнурительными допросами и избиениями, сравнительно быстро выдает одного за другим своих товарищей.

Образ Гришки Гольденберга сложен, в определенной мере даже трагичен. Урок Гольденберга, по авторской концепции, является предостерегающим против моральных компромиссов. Он постоянно напоминал современникам о той глубине падения, в которую может низвергнуть тщеславие, сделка со своей совестью, трусость, моральная и нравственная неустойчивость.

В «Нетерпении» до вершинной выразительности доведена тема предательства. При этом для Трифонова чрезвычайно существенна проблема нравственного возмездия. В романе она решается на раскрытии личности злого гения Ивана Окладского, поменявшего виселицу в приговоре на участь предателя и затем тридцать семь лет за услуги получавшего жалование от департамента полиции. Но он не избежал кары, под страхом смерти превратился в пожирателя жизни: «глотал дни, годы, десятилетия, поедал их вместе с костями, высасывал сок, пожирал все, что попадало в эту пьяную похлебку, ради которой колотилось его сердце, сжимались пальцы и даже теперь, на краю могилы, вдруг засверкали — под вспышками магния — пустые нечеловеческие глаза» [3, т. III, с. 405].

Ю. Трифонова интересовали также и движущие силы истории, и способы воздействия на них. Народовольцы знали, что их ждет: без жертв не обойтись. Александр II убит. Судебный процесс состоялся, Желябова выводят из тюрьмы. Он жаждет увидеть результат их борьбы в народе, а наблюдает равнодушие неисцелимое и к царям, и к цареубийцам.

Роман Трифонова — глубоко трагическое произведение. В нем развенчивается мысль об уроках революционного романтизма, о разрушительной нравственной силе даже самых благородных утопий, когда они становятся практическим руководством в общественном переустройстве жизни. Народовольцы пытались субъективно, своими волонтаристскими методами совершить то, что еще не созрело, обменяв идею народной революции на идею террора. Писатель называет их романтиками политической борьбы, «подталкивателями истории».

Художественная концепция Ю. Трифонова на равных включает в себя как осмысление философии истории, так и осмысление современности. Персонажи, казалось бы, столь далеких эпох и разных масштабов личностей: народовольцы из романа «Нетерпение» и лучшие современные герои городского цикла — связаны в творчестве Трифонова не всегда прямыми, но явными узами духовного родства. Это происходит за счет отказа писателя от хроникальной формы анализа событий, повлекшего за собой поиск иной временной организации повествования — ретроспективной, что привело к трансформации романной структуры, в которой участвуют автор-повествователь, богиня Муза Истории Клио-72, герой и его помощники — голоса истории. В романе они взаимосвязаны.

За голосами современников «Народной воли» следует суд с высоты сегодняшнего дня. Соседство этих двух планов не случайно: история как бы открывает свои кладовые, а муза Клио — резюмирует, вынося приговор чуть ли не через столетие. По форме эти высказывания бесстрастны, фактографичны, по сути, они содержат в себе оценку поступка или события. Например, «Голос Сыщанко А. И.» повествует о событиях с 1879 по

1896 год. Заканчивается он такими словами: «Сейчас 1896 год. Мне кажется, в России все переменялось: другие дома, другие писатели, другие газеты. В родном городе жить я не смог. Не узнаю людей, не понимаю, о чем они спорят, из-за чего хлопочут. Мои прежние товарищи, которые добились кое-каких чинов и положения, представляются мне ничтожными обывателями, с кем совершенно не о чем говорить, а я им кажусь, вероятно одичалым неудачником. Поэтому я переехал в Воронеж» [3, т. III, с. 206]. И тут же в отступлении идет резюме Клио-72, где рассказывается о дальнейшей судьбе А. И. Сыцянка: «В Воронеже Александр Сыцянка примкнул к социалистам-революционерам, был арестован в 1897 году, пытан и мучим полковником Васильевым, который распространил лживую версию, будто Сыцянка выдает товарищей, нервы не выдержали, в феврале Александр Сыцянка повесился в своей одиночной камере» [3, т. III, с. 207].

Силой своего воображения автор воскрешает их и вводит эти исповеди в роман в форме стилизации под документ, например, «Голос Рысакова Н. И.», «Голос издалика: Семенюты П. П.», «Голос Фроленко М. Ф.» и др.

Стиль Музы Клио-72 подобен летописной хронике. Самостоятельное композиционное значение приобретает и голос повествователя. Он звучит в прологе: «К концу семидесятых годов современникам казалось вполне очевидным, что Россия больна». [3, т. III, с. 8]. Закрепляя в тексте созданную модель прошлого, автор скрывается за объективированным слоем романа, пытаясь скрыть свое присутствие. Позиция Трифонова-историка проявляется в публицистических отступлениях, когда он высказывает свое мнение, не известное действующим лицам романа.

Остро ощущая особую сопричастность романа с проблемами государственной политики, писатель назвал свою книгу «политическим романом», хотя в начале 1970-х годов такой термин был еще не в ходу.

В явлении безусловно положительном с нравственной точки зрения, в действиях людей, вызывающих восхищение, внимательный взор художника-исследователя различил зерно исторического самоотрицания, выразившееся в возвышенных целях народовольцев и бесовским характером их осуществления.

Ю. Трифонов обратился к переломной эпохе в истории русского государства, находя в ней созвучие своему времени. Писателя интересовала тема русской государственности, а также изначальные корни современной эпохи в соотношении с философией истории. Он избрал трагические повороты в жизни России, в которых личность оказывается в экстремальных условиях. Речь идет о ее ответственности перед историей.

Библиографические ссылки

1. *Иванова Н.* Проза Юрия Трифонова. М. : Советский писатель, 1984.
2. *Оклянский Ю.* Юрий Трифонов. Портрет воспоминаний. М. : Советский писатель, 1987.
3. *Трифонов Ю.* Собрание сочинений : в 4 т. М. : Художественная литература, 1987.
4. *Трифонов Ю.* Письмо к В. И. Баранову от 25 июля 1977 г. // Вопросы литературы. 1987. № 7. С. 184.
5. *Трифонов Ю.* «Сопряжение истории с современностью...»: Переписка Ю. Трифонова с историками, литературоведами, родными и знакомыми членов организации «Народная воля» // Вопросы литературы. 1987. № 7. С. 170–185.